

ПРОБЛЕМЫ ЦЕЛОСТНОГО МИРА

О.Ю. АКИМОВ

ПОСЛАНИЕ ВАСИЛИЯ РОЗАНОВА

Аннотация. Предметом данной статьи является анализ метафизики творчества В. В. Розанова, осуществленный на материале его текстов. Показано, что особенностью рефлексии В.В. Розанова является синтез предметности и процессуальности, позволяющий мыслителю рассматривать любое явление одновременно как предмет и как процесс. Розанов выстраивает собственную модель мира как присутствия бытия и фиксирует процесс этого выстраивания, определяя его с помощью оппозиций: «большое – маленькое», «светлое-темное», «свое-чужое», «живое – мертвое», являющихся камертоном его духовных поисков. В статье используется метод историко-философской реконструкции. Сравнивая различные высказывания Розанова, мы исходим из метатекста, реализующего философию мыслителя, которые реконструируются с помощью соотнесения с каноническими философскими текстами, в частности текстами Аристотеля. Новизна исследования заключается в том, что идеи В.В. Розанова реконструируются на основе текстов мыслителя, напрямую не связанных между собой, основная тема которых – бытие. У Розанова оно невыразимо категориально, но его присутствие становится очевидным из послания мыслителя, синтезирующего его истинность как антиномичность.

Ключевые слова: форма, реальность, структура, вещь, бытие, Свидетельство, Послание, жизнь, позиция, граница.

Abstract. The subject of this article is the analysis of the metaphysics of the works of Vasily Rozanov based on the material of his texts. It is demonstrated that the specificity of V. V. Rozanov's reflection consists in the synthesis of thingness and processuality, which allows the thinker to review any phenomenon simultaneously as the subject and the process. Rozanov establishes the original model of the world as the presence of being, and fixates the process of such formation by determining it through oppositions that are the tuning fork of his spiritual search: "big – small", "light – dark", "own – other's", "living – dead". The article uses the method of historical-philosophical reconstruction. Comparing the various sayings of Rozanov, we base ourselves upon the metatext which implements the thinker's philosophemes that are being reconstructed through correspondence with the canonic philosophical texts, particularly the texts of Aristotle. The scientific novelty lies in the fact that the ideas of V. V. Rozanov are being reconstructed based on the thinker's texts that are not directly linked, and the being is their main topic. In Rozanov's works the being is inexpressively categorical, but its presence becomes evident from the message of the philosopher, which synthesizes its authenticity as antinomy.

Key words: message, testimony, being, thing, structure, reality, form, life, position, boundary.

Произведения В.В. Розанова особым образом отображают действительность. Единственная возможность адекватно интерпретировать розановские идеи заключается в том, чтобы понять, что представляют собой розановские описания действительности. Они, как правило, предметны и одновременно определяют предмет как процесс. С этим связано то состояние текучести, изменчивости, пластичности внешнего мира, которое с таким мастерством передает писатель Розанов. «Нужные живые вещи» никогда «не стоят на месте» [1, с 196], они меняются, меняя форму восприятия и одновременно остаются прежними, подчиняясь закономерностям пространства и времени и демонстрируя фиктивную неизменность границ. Отсюда сквозная розановская тема

фиктивности границ. Это пустые фасады, форма без содержания, поэтому в России все казенное только формально существует [3, с 176].

Подлинное бытие, подлинная действительность для Розанова нарушение границы, выход за пределы, того, что ограничивает. Розанов любит и понимает жизнь как таковую. Она почему -то всегда за границами формы, она существует сама по себе. Описания действительной жизни для Розанова всегда описания того, что весело, заразительно, живо, прелестно и не подлежит ранжированию. Это шалость, которая «подкрепляет» подлинные законы бытия, которых человек не знает или от которых по каким -то причинам отказался. [2, с 14-15].

Законы, точнее говоря исполнение закономерности, по которой функционирует мир и от кото-

рой все зависит в непридуманной, живой, «настоящей» действительности интересуют Розанова, но никак «школьное» правило, которое общеизвестно и тем не менее далеко от исполнения именно в силу своей правильности и продуманности, а как законченная вещь или ряд законченных вещей, красивых, продуманных, полезных, долговечных и «стабильных» не в плане своей неизменности, а как возможность изменения, близкая к забытой человеком или так и не понятой им онтологической закономерности. [3, с 121,154, 179] Эта закономерность связана для Розанова с «понятием» общего, точнее говоря с тем местом, которое общее занимает в своеобразной непонятой, непродуманной, но вместе с тем подлинной иерархии, порядке, строе, благодаря которому все существует, так как существует, то есть правильно, гармонично, полноценно и размеренно, но не понятно для человека антиномично и разорвано.

С этим связаны розановские особенности восприятия окружающей действительности- «быть в мире наблюдателем, а не участником», «видеть а не совершать», «не смотреть в глаза на событие». [3, с 90, 53] Это и есть розановские границы, проведенные в подлинном действительном мире, где происходят постоянные изменения и одновременно ничего не меняется. Они не предполагают отчетности, то есть соотносимости с придуманной человеком границей. Поэтому розановские тексты при их «вычурной бесформенности» философичны, то есть они никогда не выпадают из контекста бытия, направленности на бытие, захваченности бытием. В этом разгадка розановской обыденности, принимающей иногда формы почти обожествления быта, (обыкновенности жизни, обыкновенности человека, ведь «мысли и собаке могут прийти» [2, с 24-25].) Розанов не просто поэтизирует быт, он обращает, обертывает, облакает в него те сферы, в которых раньше (например, в античные времена) было место бытия. Это, то чему место везде и нигде. Поэтому Розанов пишет о состоянии неуместности человека, новорожденности [3, с 57, 93; 1, с 198]. Это вечная переходная форма, у которой есть только иногда возможность стать чем- то определенным, воплотиться ,стать живой вещью, в быте, семье, человеческих отношениях. Таким образом, абстракция становится реализованным правилом, живым, красивым, подлинно действительным воплощением закономерности.

Если попытаться определить Розанова как носителя традиции (в частности античной), то абсолютно бессмысленно искать у него прямые соответствия этой традиции, то есть пытаться сделать розановское произведение фундаментом

собственного спрашивания о самом главном. Оно живое непредвзятое, непридуманное и незавершенное свидетельство того, что все есть [2, с 26], все вечно и живо [3, с 93]. Оно «несет нагрузку» места бытия, там, где это бытие теперь забыто, то есть там, где его почти уже нет. [3, с 128], «то, чего нет, кажется мне действительным» [3, с 177]. Поэтому есть только то, что кажется. Это открытие Розанова, его послание миру, изложенное предельно своеобразно «все мы с хвостиками» [3, с59], а у тебя есть кожа? [3, с 208]. Есть и ответ Розанова, написанный как размышление о благородстве писательства с неутешительным итогом: «лучшее во мне вышло не из меня, оно принадлежит гораздо лучшему меня человеку» [3, с 59-60]. Значит, существует иной мир, реализованного подлинного бытия, в котором живет иной Розанов, способный зажечь все [3, с 207]. Это не мизерабельный, ленивый, больной обыватель, а другой, который понимает и может осмыслить и описать свое свидетельство о бытии. Розанов описывает это свидетельство лишь негативно (именно свое свидетельство, а не бытие) как задумчивость, каменность, ненужность, неукорененность в чем -то главном. [3, с 51, 175].

Вышедший из этой «мерзости запустения» Розанов должен бы начать действовать, работать, изменять мир, творить. Тем не менее он продолжает просто жить и записывает «о мое не хочется разбивается всякий наскок» [3, с 138]. В раннем письме Н.Н. Страхову мыслитель пишет о том, что, прикасаясь к произведению искусства, книге, картине, чужой душе, открывая и принимая их как самих себя, мы «убиваем» их, так как увиденное, прочитанное, услышанное, понятое теряет себя, не оживляется и не реализуется как подлинное всеобщее бытие, а как иное (учение Розанова о полной и неполной потенции). Мыслитель не объясняет почему одни потенции являются полными, а другие неполными, а лишь констатирует это как данность, поскольку при объяснении он должен принять свое объяснение как подлинное бытие, провозгласив, таким образом, действительным то, что кажется. Реализованная кажимость выдает себя за подлинное бытие, это еще одно послание Розанова. [1, с 235; 3, с 216] Это свидетельство о том, что лучше подлинное –нет, чем неподлинное есть.

Секрет Розанова в том, что он постоянно пытается угадать меру неподлинности собственного и чужих свидетельств о бытии, показав, в какой момент свидетельство становится неподлинным. Этого касается ряд высказываний мыслителя о печати, технике, литературе и разного рода штампах, «литература, прищемила у человека самолю-

бие»[3, с 107, 124] и почему она не есть искомым невидимый град[3, с 39]. Розанов задействует для этого свидетельства области жизни, которые мы не привыкли напрямую соотносить с бытием (печать, литература), «всплывает» только одно понятие, детерминированное в античной традиции онтологически- техника. Значение ее для Розанова негативно «техническая душа»[3, с 43]. Технизирование предаёт бытие, оно прерывает, подрывает подлинность его заданности, привносит в него момент чисто человеческой произвольности и субъективности, в данном случае субъективный Розанов предельно антисубъективен, ведь в душе его вечно стоял монастырь и была трагедия, хотя и жил он в водевиле[3, с 72, 2, с 164]. Розанов по-видимому, хотя это и нельзя утверждать с абсолютной достоверностью, «отталкивается» здесь не от античного представления о технике, а от представления о технике, характерного для нового времени, где человек – машина[2, с 248-249]. Отсюда и «вечный» спор Розанова с позитивистами [3, с 110], (речь идет о чем-то более глубоком чем простое неприятие позитивизма), Розанов спрашивает, почему в мире столько людей, которые никогда не плачут[3, с 124]. Это тоже своеобразная форма «подтасовки» подлинного бытия, слепоты и глухоты к нему, ведь люди ужасающе грубы[3, с 189]. В этом же ряду для Розанова- непонимание подголосков и оттенков, в которых «проступает» бытие, скрытых тонких «пружин», которые оно приводит в действие и актуализирует. [3, с 109; 2, с 204] Однако «чрезмерное расцветивание», акцентировка тоже превращает бытие в собственно человеческое, временное, конечное.[1, с 299]

Розанов пишет: «я не хочу этого раба времени»[3, с 158]- это другой аспект розановского свидетельства о бытии как бесконечном. Это же можно было бы выразить в терминах античной традиции, однако Розанов остается верен себе и передает это свидетельство с помощью банальных, ничего не значащих фраз, звучащих не как открытие мирового значения, а как безличная констатация давно известного всем факта, из которого постепенно исчезает кажимость «у человека есть душа» [1, с 571-572], (Розанов удивлен и растроган). Если это же свидетельство передать несколько по-другому, то получится уже технизирование, направленное на определенный эффект. Розанов описывает его на примере литературной деятельности, «писателю необходимо подавить в себе писательство», (соперничество Леонтьева и Соловьева и эффект зеркала) [3, с 131]. Сам Розанов полностью «отстраняет» зеркало, он гол, примитивен, безыскусен и одновременно хитер и изворотлив во вред себе

самому. Следовательно, он открыт свидетельству бытия, и произведения его – просто зеркало, в котором не он сам, а потерянное в разных видах кажимости, но не «сдавшееся до конца» бытие.

Аристотель считал, что одна и та же истина повторяется в человечестве бесконечное число раз, у Розанова есть тема почти полностью повторяющая эту мысль [2, с 16] Поэтому истиной владеют все, а философ всегда только он [1, с 527]. Мыслитель, как ни парадоксально это звучит, «водим бытием». Он одержим описанием его подлинного присутствия. Это предполагает наивность, неразборчивость, «неумение встать и сесть вовремя», «нежелание и неумение управлять собственной жизнью». Примеров описания подобного состояния в «Уединенном» достаточно [3, с 63, 68-69]. Еще в первой своей книге «О понимании» Розанов замечает, что люди, находящиеся под водительством ума, не соотносят своих действий с велениями рассудка. Их действия не расчетливы, но их свидетельство о бытии подлинно. Розанова мучает контраст между шалостью, несоразмерностью, хаосом, в которых раскрывается подлинное свидетельство о бытии, и выдуманном людьми порядком (человеческими законами), которым подчиняется все кроме самого бытия. [1, с 255 ; 2, с 81, 82-83]. В этом контексте Розанов и описывает контраст между наглым видом и нежной душой своего одноклассника Кости Кудрявцева[3, с 246].

Подлинное бытие, которое неизменно и самоотжественно открывается в игре, шалости, произвольной демонстрации, лишенной техники, сделанности, мастерства, оно сродни капризу (игре в прятки)[2, с 199, 96]. Но одновременно оно общее, сокрытое в частном, и в этом случае Розанов серьезен и сдержан. Общее для мыслителя существует как бы за счет единичности в его неповторимой рельефности, жизненной подлинности и конечности. В этом Розанов истинный аристотелик, ведь для Аристотеля доказательство истины строится на основе сугубо очевидных предпосылок, а единичное очевидно существует. Это подтверждает предложенная Розановым апология маленького. «Есть ли в мире помимо красоты и смысла жалость?» спрашивает мыслитель? [3, с 94]. Признание «я люблю маленькое» означает, что для Розанова ограниченность маленького и частного потенциально содержит в себе большое и общее. Доказательству этого тезиса посвящено розановское «Уединенное». Это попытка показать в маленьком масштабе все то, чем живут религия и философия. Это еще одно важное открытие Розанова.

Маленькое(живое, хрупкое, близкое к уничтожению и полной непрявленности) полнее демон-

стрирует смысл чем большее абстрактное общее, которое страшит Розанова. Оторванность от общего не означает в данном случае потери связи с ним, а означает лишь возможность (потенцию) в отдельной явленности смысла увидеть общее как смысл в смысле. Розанов «специально» «дробит» мир, выявляя частное, чтобы потом построить небо [1, с 351]. Это построение неба не метафора и не гипербола, это рождение, выращивание в маленьком частном большого и общего. Оно несравнимо ни с каким другим процессом, поскольку все остальное только порабощает маленькое большому, а частное общему. [3, с 95]. Это порабощение есть, с одной стороны, формализация государственных и общественных учреждений и человеческих отношений (отличие церковного брака от розановской семьи), а с другой стороны крайняя поляризация отдельных сторон действительности (революция, война, прогресс).

Розанов настойчиво выставляет на первый план практическую обыденную сторону своей писательской деятельности и философии «вокруг нее кормились» [3, с 267]. В этой обусловленности одного другим, их взаимной связности частное и единичное входит в общее, не теряя себя в нем. Этим объясняется и розановское «любование» семьей, где общее соответствует любой из граней индивидуального. Превалирование частного над общим подразумевает «саморазрушение» действительности, потерю миром облика подлинного действительного бытия. В области чувственной это взаимоисключающие монашество и проституция, в области умозрительной – отдельные абстрактные философы, выдающие себя за общее. Розанов не спорит с ним, а просто «отходит» в сторону, демонстрируя как индикатор присутствия подлинного бытия, а значит и полной абсолютной действительности, свой собственный каприз и шалость [1, с 198, 458, 464; 2, с 95, 96; 3, с 63]. Это позволяет Розанову соотносить между собой абстрактные области знания и конкретные чувственные характеристики человеческого отношения к предмету. Еще одно послание Розанова – описание подлинного бытия возможно лишь в явлении, в том, что непосредственно открыто, выражено, осуществлено, а значит, оно не может быть только абстрактной схемой. Уход от абстрактной схематизации связан для Розанова с миром «нежных идей» [3, с 140].

Подлинно важное Розанов описывает подчеркнуто легко, легкость напоминает о том, что действительное бытие, на которое направлено послание Розанова, рождает (производит) из себя подлинное знание, но не является его предметом. Бытие захватывает, привлекает (тяготение мира к крепкому охвату) [3, с 361-362], но не держит, не

фиксирует, поэтому любая «подделка» под бытие (солнечный город, революция, прогресс) выглядит (кажется) ярче действительности и «убивает» ее. [1, с 213-214; 3, с 104] Розанов «оппонирует» этой яркости, выставляя темный фон мира, на котором яркой выглядит только граница. И граница эта между добром и злом, между своим и чужим, между собственной жизнью и становлением. Эта граница «выделяет», придвигает к себе конкретность единичного и полагает ее как невозможность перехода в иное.

Пластичный мир Розанова легок, красив и подлинно гармоничен только тогда, когда в нем нет человека с его единственностью. Единственность, оторванная от общего бытия (смертность), «разрывает на части», исключает единство с общим. Поэтому Розанов постоянно на перепутье: он выбирает между античной культурой и христианством, точнее говоря действительное бытие в его произведениях выбирает форму послания, сам Розанов всегда остается между «в счастье человек – естественный язычник, в грусти – естественный христианин» [3, с 218]. Выбор в такой ситуации уже признание ложности, неподлинности условий выбора. На этом и основано розановское абсолютно не книжное и совершенно не придуманное противостояние мира и Христа, язычества (античной традиции) и христианства. Христианская культура для Розанова воплощенный идеал, закрытая книга, дальше уже не о чем говорить, надо просто жить, а жить не получается, не выходит, ведь он «человек, рожденный неладно» [3, с 207].

В становлении, где общее переходит единичное, а душа – энтелехия (осуществленная действительность) тела есть возможность постоянного продолжения, вечного осуществления, которое не требует конечной точки, финал постоянно открыт... Нет необходимости выбирать между искусственным и настоящим, подлинным и ложным, добром и злом. Выбор уже сделан «есть то, что есть» [1, с 458; 2, с 26,]. Вторая часть этого высказывания уже «не приходит на ум» [3, с 128-129]. Фатализм Розанова звучит как отголосок античной традиции, где судьба включает в себя иррациональный момент связности наличных проявлений добра и зла. Однако «внутри» этого фатализма у Розанова момент чисто христианской предопределенности и эсхатологичности, поэтому в «Уединенном» есть тайный осознанный и неосознанный пафос обвинения Бога. Все предрешиено, в мире нет игры, играет только сам Розанов, в этом его трагедия, «друг болеет, а в душе страстная пятница» [3, с 85].

Розанов – христианин, пытающейся вернуть себе наивность и целостность античной тради-

ции с ее игрой, в которой единичному необходимо общее, а общему единичное, причем они связаны органически, а не механически, что подразумевает отсутствие прямой взаимообусловленности при абсолютном подчинении одного другому. Этим объясняется жизненное кредо Розанова, «человек без роли»[3], который пришел в мир «видеть, а не совершить». [3, с 90]. Эта розановская формула – попытка вернуться к античной первоизданности, в которой могут быть совмещены и восприняты как единство разные аспекты одной и той же вещи или проблемы (так созданы и так функционируют античные категории). Розанов актуализирует одну сторону этого единства-текучести, пластичности мира.

Одним из фундаментальных открытий Розанова является невозможность «стабилизации» этой текучести, стабильные формы для нее могут быть найдены лишь насильственно. Эту невозможность Розанов относит к собственному внутреннему миру, ведь его душа как «бумажная нить, которой ничего нельзя укрепить»[3, с 319]. Форма укрепления, которую находит Розанов – семья, понимаемая как религия. Это, с одной стороны, подлинное воплощение христианства, а с другой апология античной парадигмы развития, в которой старое, порождая из себя новое, умирает и одновременно сохраняется и живет этим новым, причем формы старого и нового отрицают друг друга лишь на первый взгляд. Розанову «не хватает» античной наивности, он воспринимает смерть по христиански, как невозможность возвращения потерянного, ведь будет другое, а «хочется именно такого»[3, с 125], античность же знает только это, нынешнее, сейчас, а другое есть просто иная его сторона, разрыва нет. У Розанова разрыв очевиден, недаром он до конца не чувствует связи с детьми, а только с «другом»[3, с 245].

Розанов пытается преодолеть этот разрыв за счет классифицирования форм перехода от общего к единичному. Оно для мыслителя осуществляется как автономизация одной из «сфер» единичного. Этой сферой для Розанова может быть семья, пол, язычество, христианство, религия и культура. Любая из этих сфер де факто относится к области общего, однако Розанов рассматривает их так, что их конкретные характеристики (частные моменты

разной степени важности) становятся главными. Таким образом, это уже не общее, но еще и не единичное. Розанов констатирует, например, что когда он писал о семье, он ничего не знал о ней. [3, с 78] В другом месте он воспринимает написанное о семье как свою важную заслугу. [3, с 60]. Это можно объяснить только тем, что мыслителя интересует не семья как таковая, а семья как форма демонстрации (показа) космогонии. Об этом свидетельствуют замечательные розановские строки о любви (зубцы стираются)[3, с 133] и об измене как регуляторе брака[2]. В этом главное уже не брак и не семья (хотя речь идет именно об этом), а возможность показать, почему вещи отношения меняются именно таким, а не другим образом.

Розанов выбирает «перспективу», увиденные с которой вещи связываются с другими вещами, не ограничивая и не теряя себя. Возникает парадигма, как общее, увиденное на фоне единичного, которое зритель принимает за общее. Розанов «обманывает» зрителя, общее остается главным, как, например, во фрагменте о любимых людях: «без них не хочу, чтобы и меня помнили»[3, с 38]. Здесь «обманывает» основной прием Розанова описывать общее (общезначимую действительность) как частное, родное, близкое себе.[2, с 248; 3, с 153-154] Тем не менее у Розанова «не получается» отождествления общего и единичного, поскольку он «возвращая» общее, классифицирует единичное, определяя его через более конкретные частные аспекты. Получается классификация ради классификации, на которой нельзя остановиться, поставив точку. Поэтому на основе розановских произведений теоретически можно написать новые, но нельзя повторить написанного мыслителем, ведь тогда получится «зафиксированное становление», состояние, которому нет имени, поскольку, назвав имя, мы именуем время, жизнь, смерть, рождение, то, имя чего ограничивает нас, заставляя спрашивать, сколько часов в миске супа[3, с 107], а Розанов ограничивает себя сам, не называя того, имя чему он давно знает, но не может помыслить, расчленив, сообразить, оставаясь немимым свидетелем того, что его захватывает и в нем разворачивается, но о чем нельзя написать, не солгав и не забыв его подлинного назначения[3, с 23, 62-63].

Библиография:

1. Розанов В.В. Собр. соч. Когда начальство ушло... / Сост. П.П. Апрышко и А.Н. Николюкин. М.: Республика, 2005. 671 с.
2. Розанов В.В. Собр. соч. Мимолётное / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1994. 541 с.
3. Розанов В.В. Уединённое / Сост., вступ. статья, коммент., библиогр. А.Н. Николюкина. М.: Политиздат, 1990. 543 с.
4. Горохов А.В. Формальный синтез структуры имитационной модели (на примере синтеза системно-динамических моделей) // Программные системы и вычислительные методы. 2013. № 3. С. 277 - 284. DOI: 10.7256/2305-6061.2013.3.8855.

5. Яковлев В.А. Информационные программы бытия // Философская мысль. 2015. № 1. С. 93 - 147. DOI: 10.7256/2409-8728.2015.1.14400. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_14400.html
6. Плюто П.А. О природе и классификации социокультурных иллюзий // Филология: научные исследования. 2015. № 1. С. 66 - 76. DOI: 10.7256/2305-6177.2015.1.14071.

References (transliterated):

1. Rozanov V.V. Sobr. soch. Kogda nachal'stvo ushlo... / Sost. P.P. Apyrshko i A.N. Nikolyukin. M.: Respublika, 2005. 671 с.
2. Rozanov V.V. Sobr. soch. Mimoletnoe / Pod obshch. red. A.N. Nikolyukina. M.: Respublika, 1994. 541 s.
3. Rozanov V.V. Uedinennoe / Sost., vstup. stat'ya, komment., bibliogr. A.N. Nikolyukina. M.: Politizdat, 1990. 543 s.
4. Gorokhov A.V. Formal'nyi sintez struktury imitatsionnoi modeli (na primere sinteza sistemno-dinamicheskikh modelei) // Programmnye sistemy i vychislitel'nye metody. 2013. № 3. С. 277 - 284. DOI: 10.7256/2305-6061.2013.3.8855.
5. Yakovlev V.A. Informatsionnye programmy bytiya // Filososkaya mysl'. 2015. № 1. С. 93 - 147. DOI: 10.7256/2409-8728.2015.1.14400. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_14400.html
6. Plyutto P.A. O prirode i klassifikatsii sotsiokul'turnykh illyuzii // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2015. № 1. С. 66 - 76. DOI: 10.7256/2305-6177.2015.1.14071.